

Владимир Гиляровский

Встречи с Горьким

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Москва и москвичи // Эксмо, М., 2008

ISBN: 978-5-699-11515-0

FB2: "shum29 " <au.shum@gmail.com >, 15.11.2008, version 1.0

UUID: 8f5a7bab-04a2-102c-99a2-0288a49f2f10

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Алексеевич Гиляровский

Встречи с Горьким (Друзья и встречи)

«Я зачитывался первыми рассказами Горького, дивился, что нашелся большой художник, затронувший тот мир, в котором я так долго вращался. Антон Чехов не раз мне говорил: „Тебя надо свести с Горьким! Познакомься с ним обязательно“.

И Горькому говорил обо мне с тем же предложением...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0009
III.....	.0013

Владимир Гиляровский

Встречи с Горьким

Я зачитывался первыми рассказами Горького, дивился, что нашелся большой художник, затронувший тот мир, в котором я так долго вращался. Антон Чехов не раз мне говорил: «Тебя надо свести с Горьким! Познакомься с ним обязательно».

И Горькому говорил обо мне с тем же предложением.

Но мои постоянные отъезды из Москвы в газетные командировки нас вечно разлучали: он в Москве – меня нет, – и наоборот. Но все-таки встретились в первый раз у Чехова.

* * *

В 1899 году я работал в только что открывшейся амфитеатровской газете «Россия» и в «Курьере». В июле, вернувшись из очень рискованной поездки по Балканскому полуострову и сдав последнюю корреспонденцию в «Россию», я, совершенно утомленный работой и пережитыми днями в Белграде во время осадного положения, решил отдохнуть несколько дней на Волге. Остановился в Нижнем, чтобы на другой день выехать обратно,

но зашел к Горькому, положительно очаровался им и застрял на несколько дней. Мне помнится, что он жил в той же квартире, где я бывал в 1882 году у Вл. Г. Короленко, тоже сосланного тогда в Нижний, как и Горький.

* * *

Алексей Максимович и Екатерина Павловна приняли меня просто и дружески. Я у них обедал, пил чай, играл с маленьким Максимом, который лазал по мне, забираясь на плечи.

Незабвенные дни!

Как-то, гуляя по Покровке в яркий июльский день, я фотографировал своим «Кодаком» всю семью, но лучше всех вышел Максимчик. Это единственная карточка, уцелевшая у меня от того времени.

С Алексеем Максимовичем вдвоем мы гуляли ежедневно с утра по городу, по Нижнему базару, среди грузчиков и рабочего народа, с которым так связана была его и моя юность. Было что вспомнить, понимали друг друга с одного слова. Лазали вдвоем по развалинам Кремля и снимали «Кодаком» друг друга, стараясь повиснуть где-нибудь над пропастью.

Алексею Максимовичу нравились такие порывы удали. Сидя на откосе и над впадением Оки в Волгу, мы любовались красотами.

На меня особо сильное впечатление производил тогда этот вид, подобный которому я видел так недавно, месяц назад. Откос Нижнего и сад Калимегданской крепости в Белграде – это повторение одного в другом. И там с высокой скалы и также слева перед самым городом впадает могучая Савва в огромный Дунай. Там, где перед нами строения ярмарки, – город Землин, и так же как перед нами теперь даль полей, так и там – степи Венгрии. И тут я рассказал Алексею Максимовичу подробности моего побега и события в Белграде, о которых он уже знал из газет... Я, как шиллеровский Роллер, сорвавшийся с виселицы, под впечатлением вида с откоса переживал недавние приключения и болтал без умолку...

С откоса мы прошли в цирк Акима Никитина, моего старого товарища по цирку, попали на репетицию. Аким был в восторге от гостя, которого знал хорошо, как и весь Нижний его знал, и тут же предложил посещать цирк во все время его пребывания в Нижнем,

и во время спектаклей, и во время репетиций, быть в цирке, как дома.

Алексей Максимович сразу полюбил Акима, простого и милого, интересовался репетициями и всегда ходил в цирк, как свой человек.

Но как хорошо было в доме за обедом и за чаем! У меня нервы были приподняты после пережитого, я рассказывал о моих приключениях, так что гостеприимному хозяину и говорить было некогда.

Но когда я стал рассказывать подробности о студенческих волнениях в Москве, Алексей Максимович оживился и заговорил, весь отдавшись этому жгучему вопросу.

Тут я припомнил написанные мной зимой два стихотворения, ходившие в Москве по рукам. Когда я прочел их, он встал, принес бумаги и карандаш и просил меня записать, что я и сделал, подписавшись В. Гиля-й.

На другой день мы гуляли по пристани.

Встречаю знакомого москвича, долго служившего по пароходству на Волге. Окликаю его:

– Николай Федорович!

С ним трое нижегородцев, тоже служащих по пароходству. Окружили нас, познакомились и зовут:

– Пойдем с ними. Там баржу разбило. Вот наш пароход стоит. Там и закуска – все как следует... Только добежим до... – называли какое-то место, – поглядим и сейчас назад... Через час дома.

– Алексей Максимович, едем, – предлагаю.

– Едем, – улыбается.

Сели на шумевший небольшой буксир, повернули нос и побежали на низ. Мы сидели на носу. Разговаривали. День серенький, без ветра. Я чувствовал себя совершенно отдохнувшим, и настроение было буйное, хотелось расходовать свои возобновленные силы. Я начал читать стихи на буйные мотивы... Наконец, прочел всю поэму свою о Стеньке Разине.

Лучшей обстановки и лучших слушателей с Горьким во главе придумать было нельзя. Восторг полный... Пароход уже стал заворачивать, чтобы причалить против воды у затонувшей баржи.

Незаметно пролетел десяток верст.

Алексей Максимович сказал мне:

– Дядя, а мне Стеньку пришли!

Затонувшая баржа, груженная железом. Водоллив да двое рабочих на ней. А кругом нигде и никого. Мы да баржа на боку...

Хозяева спустились на баржу, а мы гуляли по песку минут десять, и нас кликнули:

– Ну, теперь выпьем!

Перед нами выросли три корзины.

Развязали одну – шампанское.

Развязали другую – стаканы, тарелки, посуда.

Развязали последнюю – ламповые стекла, завернутые в соломенные колпачки. Недоумение сменилось хохотом.

– Чем закусывать будем?

А Горький указал на мачту баржи.

– А вобла-то на что?

Сняли с мачты связки воблы. Отвалили и

пошли вверх. Алексей Максимович веселился больше всех, смотря, как под воблу хорошо шампанское пьется... Меня заставил прочитать еще раз Стеньку Разина... Через полчаса мы были у пристани. А через час Екатерина Павловна угощала нас обедом.

* * *

Вернувшись в Москву, я послал мой сборник стихов «Забытая тетрадь», где были напечатаны, проспанные цензурой две главы «Стеньки Разина».

«Разин – здорово! и красиво!» – пишет мне в ответ на посылку Алексей Максимович.

* * *

Впоследствии в Москве мы встречались у Антона Чехова и в Художественном театре, когда Алексей Максимович ставил свое знаменитое «На дне». Для этой пьесы я водил артистов труппы Художественного театра со Станиславским и Немировичем-Данченко во главе по притонам Хитрова рынка, а художника Симова даже в самые труппобные подземелья Кулаковки, в тайные притоны «Сухого оврага», которые Симов увековечил в своих прекрасных декорациях. А потом Алексей

Максимович уехал за границу, прислав мне со своей надписью полное собрание своих сочинений.

Я опять пережил эти впечатления 1899 года. Еще раз, когда в мартовской книжке «Нового мира» за 1926 год был напечатан протокол допроса Горького после его ареста весной 1901 года.

«Еще в 1899 году к Максиму Горькому, по его словам, приезжал литератор Гиляровский и в разговоре о студенческих беспорядках сказал, что в Москве имеет большой успех среди публики стихотворение „Сейте“. По просьбе Горького, Гиляровский будто бы воспроизвел эти стихи на лоскуте бумаги, не ручаясь за точность (стихи отобраны при обыске у Горького в 1901 г.).

Под стихами значится неразборчивая подпись. „И. Гиля...“ (А я часто пишу не ясно.). Начальник жандармского управления, сообщив об этом департаменту полиции, заметил, что „стихи написаны карандашом, но довольно разборчиво и без всяких помарок, очевидно, Гиляровский прекрасно помнил содержание этих стихов“. Хотя М. Горький и отрицал на жандармском допросе авторство Гиляровско-

го в отношении этих стихов, но жандармы склонны были приписать стихотворение именно ему. Авторство Горького в данном случае отпадало потому, что стихи были написаны не его рукой и значилась подпись: „И. Гиля...“»

Стихотворение это было написано в Москве, зимой, во время самых беспорядков, на завтрак в «Славянском базаре» на белом листе переплетенной карточки вин. Завтракали мы вчетвером: В. А. Гольцев, В. М. Лавров, редактор «Русской мысли», и В. М. Соболевский. Гольцев вырезал ножом страницу со стихами, спрятал в карман, пообещав прислать мне на другой день копию, что и исполнил. Стихотворение засверкало по Москве. Я даже сам столько читал его в разных компаниях и на вечеринках, что выучил наизусть.

Давно забыто все старое в кипучем вулканически захватывающей новой жизни!

И вдруг благодаря – кому же?! – жандармскому архиву я имею и забытое стихотворение, и незабвенные дни, проведенные у Алексея Максимовича, встали передо мной, как далекий сон.